Васька-пьяница и Кудреванко-царь (4)

Тут ишли где туры да одинаковы,
Одинаковы туры шли — да одногнедые,
Одногнедые туры шли да златорогие,
Златорогие туры шли да одношорсные.
А настрецю-ту идёт тура одинакова,
Одинакова туриця — одногнедая,
Одногнеда туриця златорогая,
Златорогая туриця шла одношорсная:
А ише тем турам туриця — да родна матушка.
А говорила тура да златорогая:
«А уж вы где, туры, были, цего вы видели?»
А-й говорили туры тут да златорогие:
«А уж были во городи во Ляхови,
А во Ляхови — во городи во Шахови,
А-й уж Киев-от град да во полночь прошли.
А уж мы видели диво да мы предивноё,
А уж мы видели цюдо да мы прецюдноё:
А из той-де церкви да из соборное
Не душа ле выходила да красна девиця,
А выносила она Книгу да на буйной главы.
А да спускаласе она сама под круту гору,
Под круту где гору сама ко синю морю,
Забродила сама она полколен воды,
Ише клала ету Книгу на сер-горюць камень.
А цитала ету Книгу — сама слезно плакала».
А говорила где тура да златорогая:
«Уж вы глупые туры вовсё неразумные!
А из той-де из церкви да из соборное
Не цариця выходила — всё Богородиця!
А выносила она Книгу — да всё Евангельё,
А когда цитала ету Книгу, сама слезно плакала:
Ише цюла она про незгоду великую!..»
А прослышилсэ царищо да Кудреванищо:
А богатырей-то в Киеве не слуцилосе,
А ише сильных-могуцих не погодилосе.

А перебиралса вор-собака церез синё морё,
А становилса Кудреванко-царь во цисто полё.
А-й помертвело-побледнело красно солнышко,
А потеряласе луна тут светлого месеця
А да от то́го-де от жару лошадиного,
А от того от здоху да от тотарьского.
А садилса Кудреванко-царь на ременьцят стул;
А написал он ёрлаки да скорописьцяты
(А не пецятаны ёрлаки — да всё написаны!),
А выбирал себе гоньця — да доброго молоцьця.
А выставаёт Издолишшо поганоё,
А поганоё Издолишшо проклятоё.
Ише сам он Издолишшу наказыват,
Ише сам он поганому наговаривал:
«Да пойдёшь ле ты, Издолишшо, в крашон Киев-град, —
А Богу ты как нониче не мо́лисе,
А ише князю-ту Владимеру целом не бей,
А да Опраксеи-кнегины да головы не гни —
Только брось ёрлаки да на дубовой стол!»
Да пошло-де Издолишшо в крашон Киев-град —
А ише Богу-ту как нонице не молицсэ,
А ише князю-ту Владимеру целом не бьёт,
А Опраксеи-кнегины всё головы не гнёт —
Только бросил ерлоки да на дубовой стол.
А ише тут-де Владымер да стольне-ки[е]вской
А ише брал ерлаки сам во белы руки,
А цитал ерлоки, сам плакалса:
«А-й да богатырей-то в Киеве не слуцилосе,
У нас сильних-могуцих не погодилосе!
А-й подошол где-ка под нас тут Кудреванко-царь —
А возьмёт-де у нас да крашон Киев-град!»
А ише тут князь Владимер да вскоре пир доспел
А-й про всех же купцей-людей торговые,
А про тех же хресьянушок прожитосьних,
А-й да про тех же как могуциих богатырей,
А про тех же наезников пресильние.
А-й нехто на балу не пьёт, не кушаёт,
А белой лебёдушки не рушаёт.
Говорил тут Владимер да стольнё-киевьской:

«А уж вы ой еси, гости, да мои госьи все,
А названы гости и отобраные!
А-й ишше хто из нас поедёт да во цисто полё
А к тому к царю да к Кудреванку тут?»
А да тут большой-от кроницьсе за средьнего,
А средьней-от кроницьсе за меньшого,
А от меньшого, сидят, — долго ответу нет!
А-й из-за то́го стола и-за передьнёго,
Из-за переднёго стола и-за окольнёго,
Из-за окольнёго стола из-за дубового
А выставаёт удалой доброй молодець,
А що по имени Михайло да сын Даниловиць.
А говорил он ведь сам таковы слова:
«Ты послушай-ко, Владимер до[а] стольно-киевской!
А-й да поди-тко, Владимер, да на царев кабак,
А там лёжит где-ка Васька, да низка пьяниця:
А рогозонкой Васенька приокуталсэ,
В зголов[ол]ьях-то у Васьки да сер-горюць камень».
А да на то-де Владимер не ослушалсэ:
А одевалсэ Владимер по-подорожному,
А пошол-де Владимер да на царев кабак,
А ’де лёжит тут ведь Васька, да горька пьяниця.
А приходит тут Владимер да на царев кабак;
Говорил тут Владимер да таковы слова:
«А уж ты ой еси, Васька, да низка пьяниця!
Тибе полно, Васька, спать — тибе пора ставать,
А пора где ставать, время, Васька, завтрокать,
Время завтрокать, Васька, да по́ра ехати:
А пойдём-ко ко мне, Васька, на поцесьён пир
Ишше хлеба где, соли ко мне покушати,
А со мною, со князём, да думу думати!»
А говорил где-ка Васька, да горька пьяниця:
«Я не мо́гу я стать да головы подьнять:
А болит-шумит у Васьки да буйна голова,
А у мня ноёт-шипит да ретиво серьцё:
Ише нецим мне-ка, Васеньки, оправицьсе,
Ише нецим мне, Василью, да опохмелицьсе!»
А-й да спроговорил Владимер да стольне-киевской:
«А уж ты ой еси, цюмак, да цёловальницёк!

А налей-ко Васька[и] цяроцьку зелена вина,
А не малу, не велику — хошь полтара ведра!»
А на то где цюмак-от не ослушалса:
Наливал где-ка цяроцьку зелена вина,
Подавал где-ка Васьки, да горькой пьяници.
А берёт тут Васильюшко единой рукой —
А выпиваёт-де Васька к едину духу,
Повалилса на пецьку на муравлёну,
А рогозонкой Васька приокуталсэ.
А спроговорил Владимер тут стольно-киевской:
«А уж ты ой еси, Вась[к]а, горька пьяниця!
Тибе полно, Васька, спать — тибе пора ставать,
Да пора-де ставать, да время завтрокать,
Время завтрокать, Васька, да пора ехати:
А пойдём-ко ко мне, Васька, на поцесьён пир
А хлеба-де, соли ко мне покушати,
Перевару где пить али зелена вина,
А со мной, с молоццом, надо дума думати!»
Говорил где-ка Васька, да горька пьяниця:
«А не мóгу я стать да головы подьнять:
А болит-де у Васьки буйна голова,
А ноёт-шипит у мня ретиво серьцё!»
А спроговорил Владимер стольнё-киевьской:
«А уж ты ой еси, цюмак, да цёловальницёк!
А налей Васьки цяроцьку зелена вина,
А не малу, не велику — ровно два ведра!»
А наливал где цюмак, да цёловальницёк,
Подаёт где-ка Васьки, горькой пьяници.
А берёт тут Васильюшко единой рукой,
А пьёт-де Василей к едину духу —
Повалилсэ на пецьку на муравлёну,
А рогозонькой Васька приокуталсэ,
В зголовья-то у Васьки серь-горюць камень.
А спроговорил Владимер стольнё-киевьской:
«А уж ты ой еси, Васька, горька пьяниця!
А тибе полно, Васька, спать — тибе пора ставать,
А пора где ставать — да время завтрокать,
Время завтрокать, Васька, да пора ехати:
А пойдём-ко ко мне, Васька, на [по]цесьён пир

А хлеба где, соли ко мне покушати,
Перевару где пить але зелена вина,
А со мною, со князём, да дума думати!» —
«А не мóгу я стать да головы поднять:
А болит-де, шумит у мня буйна голова,
А ноёт-шипит да ретиво серьце:
А нецим мне-ка, Васеньки, оправицьсэ,
А нецим Васильюшку опохмелицьсе!»
А спроговорил Владимер стольно-киевской:
«А уж ты ой еси, цюмак, да цёловальницёк!
А налей Васьки цяру зелена вина,
А не малу, не велику — ровно три ведра!»
Наливал где-ка цюмак, да цёловальницёк,
Подавал где-ка Васьки, горькой пьяници.
А берёт тут Василей единой рукой,
А пьёт тут Васильюшко к едину духу —
Повалилсэ на пеценьку на муравлёну,
А рогозонкой Васька приокуталсэ,
В зголовьях-то у Васьки да сер-горюць камень.
Роспроговорил Владимер стольнё-киевской:
«А уж ты ой еси, Васька, да горька пьяниця!
Тибе полно, Васька, спать — тибе пора ставать,
А пора-де ставать да время завтрокать,
Время завтрокать, Васька, да пора ехати:
А пойдём-ко ко мне да на поцесьён пир
А хлеба где, соли ко мне покушати,
Перевару где пить али зелена вина,
А со мною, со князём, да дума думати!» —
«А я не мóгу где стать да головы подьнять:
А болит где, шумит у мня буйна голова,
А ноёт-шипит да ретиво серцё:
А нецим мне-ка, Васеньки, оправицьсе,
А нецим Василью тут опохмелицьсе!»
Роспроговорит Владимер да стольнё-киевьской:
«А уж ты ой еси, Васька, горька пьяниця!
А соскакивай со пецьки со муравленой,
А припадай, Васька, к боцьки к сороковоцьки,
А пей, Васька, вина — тибе сколько надобно!..»
А да ставал тут Васька, да горька пьяниця,

Соскоцил-де со пецьки да со муравленой:
А-й да в окошках ставеньки покосилисе,
А листики из рамоцёк посыпа́лисе,
Сороковки тут по полу роскатилисе.
Припадал Васька к боцьки к сороковоцьки,
А пил Васька вино — да сколько надобно.
Ише тут де-ка Васька да запохаживал,
Ише тут де-ка Васька запоговаривал:
«Да послушай-ко, Владимер да стольно-киевской!
А я не йду нонь к тибе да на поцесьён пир,
А я не пью-де твоёго да зелена вина!»
А говорил тут Владимер да стольно-киевской:
А уж ты ой еси, Васька, горька пьяниця!
Поежжай-ко ты, Васька, да во цисто полё
А к тому же царю да Кудреванку нонь,
А уж ты бей-ко тотар да всё поганые,
А уж ты бей-ко-се их — да сколько надобно!»
А спроговорит тут Васька, да горька пьяниця:
«А уж ты ой еси, Владимер да стольно-киевьской!
А уж ты выкупи миня, да добра молоцца!
А у мня не с цим нонь ехать во цисто полё:
А у мня нету на мне да платья цветного,
А нету у мня сбруи да лошадиное,
У мня нету, у Васеньки, добра коня:
А у мня пропито-заложоно в сорока́ тысиц!»
А-й да спроговорит Владимер да стольно-ки[е]вской:
«Уж ты ой, цюмак, да цёловальницёк!
А-й отдай-ко ты Васьки да всё безденёжно,
А безденёжно Васьки, да бескопеёсьне!»
А ишше отдал цюмак, всё цёловальницёк.
А ишше стал как тут Васенька срежатисе,
А стал как тут пьяниця сподоблятисе.
А поехал тут Васенька во цисто полё
А к тому же царю да Кудреванку же,
А говорил где царю да Кудреванку тут:
«А уж ты ой, царищо Кудреванищо!
А спусти-ко тотар да в крашон Киев тут.
А бар-то у нас казните-вешайте,
А берите-ко злата, циста серебра —

А не ворошьте вы князя всё Владимера,
А ише той-де Опраксеи-королевисьни!»
А на это Кудреванко приослушалсэ —
А спустил где тотар да в крашон Киев-град.
А били они бар, ноньче вешали,
А нагромили они да злата-серебра —
Не ворошили они князя Владимера,
А той же Опраксеи-королевисьни.
А тут же Владимер да стольно-киевской
Говорил он ведь тут да таково слово:
«А те же тотара всё поганые
А убили где Ваську, да горьку пьяницю,
А розорили у нас да крашон Киев-град!»
А ише спал тут-де Васенька, горька пьяниця.
А ’шше те-де тотара да тут поганые.
А принесли они опутины шелковые,
А связали у Васьки да руки-ноги нонь.
А принесли где они тут злата-серебра
А стали делить да злато-серебро.
А всем росклали они тут ноньце поровну.
А говорил тут царищо Кудреванищо:
«А уж вы ой, тотара всё неверные!
А всем дели́те вы злато-серебро —
А уж вы Васьки не дали злата-серебра».
А говорят ищо тотара тут поганые:
«А тепереце Васенька у нас в руках,
А у нас в руках Васька — некуда́ уйдёт!»
А тут где-ка Васьки за беду пришло,
За велику досаду показалосе.
А ’шше зацял где Васенька потягатисе —
А опутаны шелковы да все прилопали.
А ставал где-ка Васенька на резвы ноги,
А ухватил он Издолища нонь за ноги,
А стал он Издолищом помахивать:
А вперёд-от махнёт — да тут и улками,
А назадь-от махнёт — да пере(й)улками.
А сам-де Издолишшу приговарыват:
«А едрён где на жильи — тут не порвисьсе,
А могутён на косьи — не переломисьсе!»

А ише тут-де царищо Кудреванищо
Говорил где царищо таковы слова:
«Уж ты ой еси, Васька, да горька пьяниця!
А упусти-тко-се, Васька, да руки белые,
А укороти-тко ты, Вася, ретиво серьцё,
А бери-тко, Василей, всю золоту казну —
А оставь хотя тотар мне на семяна!
А ишше буду платить я дань ведь, пошлину
А тому же как князю-де всё Владимеру
А за те за двенаццать лет как выходных!..»
А ише тут-де-ка Васька, да горька пьяниця,
Закрыцял-де Василей да громким голосом —
А бежит ёго конь да из циста поля.
А садилсэ тут Васька на добра коня —
А поехал ко городу ко Киеву
А к тому же ко князю ко Владимеру.
А стрецят ёго Владимер стольно-киевьской:
«А уж ты ой еси, Васька, горька пьяниця!
А що тибе, Васенька, за то надобно?
Села ли тибе, Васька, с приселками?
Города ле тибе, Васька, с пригородками?
Золота тибе казна, Васька, не запёрта!»
Говорил как тут Васька, горька пьяниця:
«А не надо мне села твои с приселками,
А не надо города да с пригородками,
А не надо мне твоя да золота казна —
А только дай мне-ка виньцё безденёжно!..»

(Зап. А. Д. Григорьевым 24 июля 1901 г.: д. Кузьмин Городок Погорельской вол. — от Рассолова Ермолая Васильевича (из д. Печище), 50 лет.)

Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. Т. 3: Мезень. СПб., 1910.